

Сайганова В.С.

УО «Белорусский государственный университет»,
кафедра философии и методологии науки, г. Минск

СОДЕРЖАНИЕ НОРМ НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ В ГНОСЕОЛОГИЧЕСКОЙ, ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКОЙ И СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ТРАНСКРИПЦИЯХ

На рубеже XX-XXI вв. проблема научной рациональности приобретает широкую популярность в научно-исследовательских кругах. Почти все дискуссии, ведущиеся сегодня в разных областях знания, начиная с теории познания и методологии науки и заканчивая этикой и социальной философией, так или иначе, выходят на проблематику рациональности. В работах, по философии и методологии науки предпринимаются различные попытки анализа норм научной рациональности и репрезентируются различные уровни исследования динамики этих норм. В современной западной и отечественной философии и методологии науки, даже вне оценок содержания норм научной рациональности, при простой экспликации понятий «рациональность» и «научная рациональность», можно обнаружить существенное различие подходов и трактовок, что свидетельствует о ряде сложностей, возникающих при рассмотрении данной проблемы.

В западной литературе прослеживается общая тенденция анализа рациональности в плоскости коммуникативной, субъект-субъектной парадигмы познания. При этом анализируются, преимущественно, единичные значения рациональности в ее интересубъективной или прагматистской проекции, а тема научной рациональности и норм научной рациональности и вовсе нивелируется. Рациональность понимается либо как одна из многих форм интересубъективности (К.

Хюбнер) [7], либо как идеализированный акт коммуникации (Ю. Хабермас) [10], либо как процесс достижения согласия, «солидарности» в научном сообществе (Р. Рорти) [11], либо как идеальная стратегия для принятия того или иного решения в философско-методологическом дискурсе (Х. Патнем) [4].

В отечественной литературе основной акцент делается на исследование научной рациональности, и наиболее разработанной здесь является историко-генетическая модель (В. С. Степин, В. Н. Порус, П. П. Гайденко и др.). В рамках данной модели научная рациональность рассматривается в трех исторических типах (классический, неклассический, постнеклассический), представляет собой культурную ценность и обладает, при этом, методологической размерностью [5,6].

Однако, несмотря на многочисленные трактовки и попытки определения понятий «рациональность», «научная рациональность», и в западной и в отечественной литературе сложно выделить целостные дефиниции этих смыслообразующих понятий философии и методологии науки. Противоречивость образа рациональности и научной рациональности в современной культуре существенно актуализирует философско-методологический анализ норм научной рациональности. В то же время выделение самих норм научной рациональности и их четкая экспликация в форме признаков и определенных понятийных конструктов оказывается довольно сложной задачей, о чем можно судить по степени затруднений в решении этой задачи в современной философии и методологии науки.

В данной статье предлагается исследовательский ракурс рассмотрения норм научной рациональности, который позволит осуществить целостный анализ этого феномена в современной философии и методологии науки с точки зрения выделения содержательного инварианта норм научной рациональности, через призму гносеологического, эпистемологического и социокультурного типов отношений в рамках научной познавательной деятельности.

Целью данной статьи является экспликация и содержательный анализ норм научной рациональности в гносеологической, эпистемологической и социокультурной транскрипциях.

В рамках данной работы под научной рациональностью в самом общем виде будет пониматься такая характеристика мышления и деятельности, направленная на обеспечение постижения сущностных связей, характерных для того или иного исторического этапа развития науки и выраженная системой определенных нормативов. Данное определение научной рациональности позволяет говорить о нормах научной рациональности, как об определенных понятийных конструктах, отражающих в различных аспектах содержательные характеристики научного познания и научной деятельности, выступающие в виде предписания, или образца научного мышления и деятельности, либо обоснования научного знания и научных результатов. Нормы научной рациональности также могут выступать в виде определенных санкций, позволяющих специфицировать то или иное знание как научное или ненаучное, рациональное или нерациональное.

Вслед за традицией, сложившейся и успешно функционирующей в рамках теории познания, выделим в структуре научной деятельности субъектную и объектную стороны, а также знание как результат их взаимодействия. Отношения между субъектом и объектом составляют гносеологические отношения, между объектом и знанием - эпистемологические отношения, а взаимодействия между субъектом и научным знанием репрезентируют социокультурный тип отношений. На каждом из выделенных уровней нормы научной рациональности функционируют в разнокачественном виде и имеют свои особенности.

Гносеологическая проекция демонстрирует нормы научной рациональности, специфицирующие процесс научного познания в виде особого рода предписаний и образцов, выраженных в понятийной форме. Для аргументации выделения норм научной рациональности в гносеологической транскрипции следует рассмотреть существующие в философии и методологии науки подходы к определению

специфики научной рациональности. Среди наиболее разработанных следует выделить интерпретацию специфики научной рациональности через выделение субъектной и предметной (объектной) структуры научной деятельности в работах В.С. Степина [7, с.56-67], рассмотрение научной рациональности В.В. Ильиным через выделение в структуре науки рефлексивных механизмов, специфицирующих научную деятельность [2, с.71-83], разработки В.Н. Поруса по системному моделированию научной рациональности [5, с.59-75]. На основании анализа этих подходов в объем гносеологического аспекта интерпретации норм научной рациональности можно отнести принцип объективности, фиксирующий совпадение научного знания с объектом исследования, направленность на изучение сущности исследуемой реальности вне индивидуальных и субъективных характеристик мышления. Далее в рамках гносеологической транскрипции норм научной рациональности правомерным будет выделение предметности научного исследования, которую можно охарактеризовать как фиксацию и выделение в качестве исследуемого объекта определенного фрагмента реальности. При этом научное познание направлено на изучение особых фрагментов реальности, которые могут стать предметом исследования в будущем.

Концептуальное содержание гносеологической транскрипции норм научной рациональности может быть представлено в виде совокупности таких характеристик научной рациональности, как объективность и предметность научного исследования, особый объект научного познания, системный характер научного познания и его направленность на генерацию нового знания, которые специфицируют процесс научного познания и выступают критериями его научности.

Тип отношений, складывающийся между объектом и знанием, традиционно в теории познания характеризуется как эпистемологический. На уровне эпистемологического взаимодействия проявляется нормативный характер научной рациональности, который отражает себя в совокупности определенных характеристик, регулирующих и обосновывающих научное знание. Содержание

эпистемологической интерпретации норм научной рациональности, задающих взаимодействие между знанием и объектом, отражает результативный характер научной деятельности.

Экспликация норм научной рациональности в эпистемологическом аспекте может быть определена совокупностью таких часто воспроизводимых характеристик в современных философско-методологических исследованиях как особая методология научного знания, формы организации научного знания, системность научного знания, а также совокупностью логических требований (непротиворечивость, доказательность, аргументированность, обоснованность), которые имеют свои особенности рассмотрения в современной отечественной и западной философии и методологии науки.

В рамках эпистемологической проекции норм научной рациональности особое значение имеют идеалы и нормы научного знания, точнее их познавательный блок идеалов, а именно идеалы и нормы объяснения и описания, доказательности и обоснованности знания и идеалы и нормы построения и организации знания, обеспечивающие единую схему методологии науки. С одной стороны, познавательные идеалы и нормы характеризуют научную рациональность вне зависимости от ее конкретного исторического этапа развития. С другой стороны, они фиксируют специфику каждого исторического типа научной рациональности.

Наличие особой методологии в составе эпистемологических норм научной рациональности, можно аргументировать, воспользовавшись концепцией В.С. Степина, только с той разницей, что особую методологию корректнее, на наш взгляд, рассматривать не в качестве критерия разграничения научного и обыденного познания, а в качестве необходимой нормы научной рациональности. Изучение объектов, выявление их свойств и связей всегда сопровождается в науке осознанием метода, посредством которого исследуется объект. Потребность науки в организации и систематизации знаний о методах на высших стадиях развития науки приводит к формированию методологии как особой отрасли научного исследования [6, с. 48-49].

Особое место в содержании эпистемологического аспекта норм научной рациональности занимают логические нормативы научного знания. Их существенность может быть аргументирована хотя бы тем, что в современной философии науки существует мощная тенденция представления именно форм логики в качестве выразителей рациональности в науке (В. Ф. Берков, Б. С. Грязнов, В. В. Ильин, Б. И. Пружинин и др.). В рамках обозначенной тенденции чаще всего выделяются такие логические нормативы научного знания, как его непротиворечивость, доказательность, аргументированность, обоснованность [1, 2].

Таким образом, в эпистемологической транскрипции научная рациональность предстает в виде совокупности норм, отражающих результативный характер научной деятельности и служащих для обоснования полученного научного знания. Научное знание как особый метод, как поиск истины, может быть рассмотрено с точки зрения выделения познавательных идеалов и норм научного знания, особой методологии научного знания и логических регулятивов непротиворечивости, доказательности, аргументированности, обоснованности научного знания.

Отношения, складывающиеся между субъектом и знанием, характеризуются в теории познания как социокультурные. Традиционно в рамках этих отношений рассматриваются проблемы языка познания, формы социализации субъекта познания, проблемы аксиологического статуса познания. На уровне социокультурного взаимодействия субъекта и знания проявляется регулятивный аспект научной рациональности, представленный критериями научности и аксиологическими регулятивами научной деятельности. Поэтому в социокультурной транскрипции норм научной рациональности, их рассмотрение смещается в сферу научности и ее критериев, понимаемых нами как эксплицированные различия между наукой и другими формообразованиями в культуре.

Содержание социокультурной интерпретации норм научной рациональности как критериев научности весьма многослойно и разнообразно. Экспликация критериев научности в различных подходах имеет свою специфику и не всегда

обосновывается как выделение именно критериев научности, зачастую можно встретить их интерпретацию как норм науки, стандартов и императивов научного знания. Следует отметить, что если содержание выделенных нами гносеологического и эпистемологического аспектов норм научной рациональности в различных подходах в современной отечественной и западной философии и методологии науки имеет достаточно строгую и условно однозначную интерпретацию, то с выделением критериев научности дело обстоит несколько сложнее. Современный философско-методологический дискурс буквально пестрит различными интерпретациями критериев научности, выделяемых под абсолютно различными углами зрения.

Интересными представляются интерпретация критериев научности как правил оценки продуктов познания у В. В. Ильина [2], подход к определению критериев научности через сопоставление научного и обыденного знания у В. С. Степина [6, 7], поиск метакритерия у Е.А. Мамчур [3], совокупность подходов, в рамках которых обсуждается проблема выделения ценностных критериев научности [6, 9], а также тенденция расширения научного знания и поиска новых критериев научности [9, 10]. Все эти подходы репрезентируют современную ситуацию «многоголосности», сложившуюся в философско-методологическом дискурсе по проблеме выделения критериев научности.

Концептуальный анализ данных подходов позволяет все же вычленить общее содержание критериев научности. Оно может быть рассмотрено через совокупность, с одной стороны, таких критериев, которые явно специфицируют науку среди других форм знания и имеют прозрачное содержание (социокультурный контекст языка научного знания, специальные средства, особый субъект научного исследования), и с другой стороны, критериев, отражающих аксиологическую составляющую научного знания. Аксиологическая составляющая научного знания определяется рядом ценностных требований и ограничений, которые находятся еще в процессе формулирования, и не могут иметь однозначного и окончательно оформленного содержания, так как представляют собой переменные и исторически ситуативные

характеристики, такие как гуманистическая направленность науки, этика науки и социальная ответственность ученого.

Подводя итог данной статье, можно отметить, что анализ и классификация различных подходов к интерпретации норм научной рациональности в современных философско-методологических исследованиях, позволяет говорить о наличии содержательного инварианта, наиболее часто воспроизводимых норм научной рациональности. Данный инвариант может быть представлен как гносеологическая, эпистемологическая и социокультурная транскрипции норм научной рациональности.

Содержание гносеологической транскрипции норм научной рациональности может быть представлено в виде следующих основных нормативов: объективность и предметность научного исследования, особый объект, системный характер научного познания, направленность научного познания на генерацию нового знания. В эпистемологической транскрипции норм научной рациональности речь идет о нормативах, специфицирующих научное знание: особая методология научного знания, установка на исследование законов преобразования объекта, а также логические нормативы научного знания. В рамках социокультурной транскрипции нормы научной рациональности предстают как критерии научности, к которым можно отнести черты, специфицирующие науку среди других форм знания (социокультурный контекст языка научного знания, специальные средства, особый субъект научного исследования), и критерии, отражающие аксиологическую составляющую научного знания (гуманистическая направленность науки, этика науки и социальная ответственность ученого и др.).

Интерпретация норм научной рациональности в трех выделенных аспектах позволяет выйти на проблематику социальной и культурной обусловленности этих норм и постулировать факт зависимости норм научной рациональности от исторического развития науки, что дает основание говорить о динамике норм научной рациональности и критериев научности.

Литература

- 1 Берков, В.Ф. Общая методология науки: Учеб. пособие / В.Ф.Берков. – Мн.: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2001. – 226 с.
- 2 Ильин, В.В. Теория познания. Эпистемология / В.В. Ильин. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. – 278 с.
- 3 Мамчур, Е.А. Релятивизм в трактовке научного знания и критерии научной рациональности / Е.А. Мамчур // Философия науки: сб. ст. / Рос. АН, Ин-т философии. – М.: ИФРАН, 1999. – Выпуск 5. – С. 10-30.
- 4 Патнэм, Х. Реализм с человеческим лицом / Х. Патнэм // Аналитическая философия: становление и развитие: Антология: Пер. с англ. и нем. / Общ. ред. и сост. А.Ф. Грязнова. – М.: Дом интеллектуал. книги: Прогресс-Традиция, 1998.
- 5 Порус, В.Н. Парадоксальная рациональность: очерки о научной рациональности / В.Н. Порус. – М.: Изд-во УРАО, 1999.
- 6 Степин, В.С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция / В.С. Степин. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 744 с.
- 7 Степин, В.С. Философская антропология и философия науки / В.С. Степин. – М.: «Высшая школа», 1992. – 191 с.
- 8 Хьюбнер, К. Критика научного разума / Пер. с нем. И.Т. Касавина. – М.: ИФРАН, 1994.
- 9 Ценностные ориентиры современной науки и перспективы цивилизационного развития: учеб.-метод. пос. для вузов / Я.С. Яскевич, Л.Ф. Кузнецова, А.В. Барковская. – Мн.: НТООО «ТетраСистемс», 1996.
- 10 Швырев, В.С. О понятии «открытой» и «закрытой» рациональности (рациональность в спектре ее возможностей) / В.С. Швырев // Рациональность на перепутье: сб. ст. – М., 1999. – Кн.1.
- 11 Habermas, J. Theorie des kommunikativen Handelns / J. Habermas // Handlungsrationalitat und gesellschaftliche Rationalisierung. – Frankfurt am Mai: Suhrkamp, 1981. Bd.1. – 534 S.
- 12 Rorty, R . Science as Solidarity / Rorty R. Objectivity, Relativism, and Truth. – Cambridge, 1991.

Summary: The article is devoted to the topical question of criteria of scientific rationality. In this article the philosophical and methodological analysis of the problem of scientific rationality criteria is given. According to modern philosophy and methodology of science, the essence and system character of scientific rationality criteria in gnosiological,

epistemological and social transkription are shown. The author analyses the specificity and characteristics of each of their transkriptions.